

редактора журнала «Казан утлары» («Огни Казани») или лишиться красной корочки университетского диплома. Внутренняя свобода, раскрепощённость – вот главные черты характера этого писателя.

И новая книга Рафаэля Ахметовича «Поимённо вспомним всех» поражает своей обнажённой, суровой, порою просто тяжёлой для человеческой психики правдой.

В конце восьмидесятых прошлого века он провёл целое лето в архивах КГБ – занимался делами репрессированных татарских литераторов. В те дни, по признанию писателя, он чувствовал себя плохо, «портилось настроение, колело в груди, пропадали аппетит и сон». Но книга была создана. В ней целая галерея жертв сталинских репрессий, а также палачей и, к сожалению, имена и поступки авторов писем-доносов на своих же коллег-литераторов.

Да, истина для Рафаэля Ахметовича была прежде всего.

Эта книга вышла на трёх языках – татарском, русском, английском и, думаю, никого не оставит равнодушным.

Ахат Мушинский

125

главы из книги

Рафаэль Мустафин

Поимённо вспомним всех

Обыденность

Вспоминая это время, пытаюсь припомнить, что же поразило меня больше всего. пытки, которым подвергали заключённых? Чудовищность обвинений – шпионаж, вредительство, террор, заговор против Советской власти и лично товарища Сталина? Лживость и надуманность этих обвинений? И это – тоже.

Но больше всего, пожалуй, какая-то обыденность, будничность «напряжённой работы» по перемалыванию лучшей части населения страны. Протоколы писали на листах, вырванных из школьных тетрадей. В амбарных книгах с надписями дебет-кредит... А иной раз и на оборотной стороне обоев – с бумагой, видимо, была напряжёнка. Писали с орфографическими ошибками, с нелепыми сокращениями (а/с – антисоветский, к/р – контрреволюционный, ЧСИР – член семьи изменника Родины, ВМН – высшая мера наказания, ЧСВН – член семьи врага народа, БН – буржуазный националист и т. д.). Выражения эти повторялись настолько часто, что легко угадывались и по этим аббревиатурам. Я уж не говорю о штампованных канцелярских оборотах. О стилистике тогда думали меньше всего.

Для ускоренного ведения дел тексты постановлений о предъявлении обвинений печатали типографским способом. Обвинения почти для всех были стандартными. Мол, такой-то (фамилия, имя, отчество вписывались от руки) «является членом действовавшей в Татарии правотроцкистской, националистической контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской

власти, совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства и проведение подрывной вредительской работы в хозяйственно-политической жизни страны».

Больше всего меня поразили пришитые к «делу» небольшие, пожелтевшие бумажки, напоминающие почтовую квитанцию. Основной текст напечатан типографским способом и только Ф.И.О. вписывались от руки. Таковы справки о приведении в исполнение приговора к ВМН.

Всё делалось по форме – обвинительные заключения, постановления на арест, протоколы допросов и судебных заседаний. Как говорится, комар носу не подточит. А по существу – полное беззаконие, попрание всех элементарных прав личности, средневековый произвол.

По пыльным папкам с пожелтевшими, прочно подшитыми листами я пытался распознать характер следователей.

Глядя на старательно выведенные буквы с замысловатыми завитушками, даже не будучи почерковедом, угадывал характер человека тщеславного, больше озабоченного формальной стороной дела. За кривоватыми и отдельно стоящими буквами с самыми невероятными ошибками («и ето ишло не всё») проступал человек малограмотный, еле-еле перебивавшийся в школьные годы с двойки на тройку. Такие терпеть не могут «слишком умных и образованных» и срывают на них свой комплекс неполноценности... За буквами, наклонёнными в обратную сторону, проглядывал следователь упрямый, злой, готовый на всё – лишь бы выслужиться перед начальством.

На некоторых листах, там, где стояла кривоватая, с трудом выведенная подпись заключённого, проступали тёмные, выцветшие от времени пятна – видимо, следы крови. Местами фиолетовые чернила расплылись – не от слёз ли? Были и более мирные приметы – жёлтые круги от стаканов чая или жирные следы от капнувшего супа. И за всей этой обыденностью стояла смерть – будничная, повседневная, заменённая в протоколах обтекаемым выражением – «по первой категории». Чувствовалось, что смерть в этих кабинетах стала бытом, своего рода способом существования. Ибо сначала следователи приговаривали ни в чём не повинных людей к ВМН. А потом, со сменой высокого начальства, их самих по большей части ожидала та же участь.

Палачи и жертвы

Мы привыкли делить всё увиденное на чёрное и белое, на жестоких, безжалостных палачей, которых можно только заклеить позором, и невинных жертв, геройски встретивших свою смерть.

Но как пригвоздить к позорному столбу следователей 37-го года, если в большинстве случаев их самих расстреляли? И как назвать героем «твёрдокаменного большевика», который когда-то ставил к стенке «белогвардейскую шваль»? Раскулачивал и ссылал в Сибирь целыми семьями ни в чём не повинных крестьян? Славословил Сталина и, будучи секретарём райкома, горячо разоблачал всяческих оппортунистов, троцкистов и зиновьевцев? И весь его героизм нередко проявлялся в том, что когда его вели в подвал на расстрел, он хрипло выкрикивал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Может, надеялся на то, что его всё же помилуют и лишь проверяют на лояльность? Однако палачи только скептически ухмылялись и молча делали своё дело.

Да и таких в сущности было немного. В основном люди гибли молча, не думая о соблюдении достоинства, как стадо баранов на бойне. Даже не успев осознать, за что, почему и кто в этом виноват.

Писательница Евгения Гинзбург, арестованная в Казани в 1937 году, в своей документальной книге «Крутой маршрут» так описывает одного из своих следователей Бикчентаева: «Толстенькая мордочка, из которой глупость сочилась, как жир из баранины...» По её словам, это был «коротенький розовощёкий парнишка с мелкими кудряшками, похожий на закормленного орехами индюшонка».

И этот «индюшонок» допрашивал Евгению Гинзбург несколько суток подряд, не давая ни присесть, ни уснуть, без пищи и воды. Он с методичной жестокостью мучил арестованных, бил, унижал и орал матом. К тому же, по словам Евгении Гинзбург, он отличался поразительным невежеством. У арестованного профессора Эльвова, вместе с которым она работала на кафедре пединститута, нашли шутивную записку, где он сравнивает Женю Гинзбург с Анной Карениной. А Бикчентаев решил, что «Каренина» – её подпольная кличка. И на допросах свирепо спрашивал: «Следствию известно, что ваша подпольная кличка была Каренина. Подтверждаете ли вы это?»

По сохранившимся в архивах КГБ документам (они опубликованы доктором исторических наук А. Литвиным) можно проследить дальнейшую судьбу Гарейши Бикчентаева. 26 ноября 1937 года он был арестован, «изобличён в принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской националистической организации». В августе 1938 года трибуналом Приволжского военного округа приговорён к расстрелу. Позднее по его кассационной жалобе смертный приговор был заменён 10 годами тюремного заключения. В феврале 1940 года Военная коллегия Верховного суда вынесла решение, что Бикчентаев был осуждён по сфальсифицированным материалам. В мае того же года Бикчентаева выпустили из Соловецкой тюрьмы, и он вернулся в Казань. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Примечательно, что следователей судили не за «применение физических методов воздействия на заключённых», как думают некоторые (эти методы были санкционированы самим вождём), а по таким же надуманным, сфальсифицированным обвинениям, которые были тогда в ходу у самих работников НКВД.

Другой следователь Царевский, как пишет Е. Гинзбург, казался ей дряхлым стариком со скрипучим голосом и землисто-серым лицом, хотя ему было всего 35 лет. Царевского, судя по тем же документам, арестовали 31 декабря 1937 года за то, что «отстаивал контрреволюционную позицию врага народа Бухарина». Официальная справка сообщает, что Царевский «умер во время следствия в тюремной больнице 2 мая 1938 года». Но бывшие узники Казанской тюрьмы рассказывали, что Царевский повесился в своей камере на ремне, который ему удалось сберечь во время «шмона». Видимо, выиграла совесть. Как пишет А. Литвин, перед этим он перестукивался с соседними камерами и давал всем совет: ни в коем случае ничего не подписывать.

Безвестность

Это сейчас мы стали интересоваться именами, прояснять судьбу конкретных лиц, устанавливать точные даты. А тогда энкавэдэшники старались по возможности не оставлять никаких следов. Даже сохранившиеся в архивах документы зачастую предназначены для того, чтобы ввести читателя в заблуждение.

Уж на что, казалось бы, крупная фигура – Галимджан Ибрагимов. Первый в республике и один из первых в стране Герой Труда (потом это стало называться Героем Социалистического Труда), живой классик, произведения которого изучались в школах, крупный общественный деятель, к мнению которого прислушались даже в обкоме партии. Арестовали больного, полуживого, бросили в тюремную

больницу, где он, лишённый лекарств и медицинской помощи, вскоре скончался. И даже точное место его захоронения до сих пор неизвестно. Памятник на Архангельском кладбище установлен на условном, предполагаемом месте.

Не менее крупной фигурой был Джамал Валиди... Доведённый следователем Г. Бикчентаевым до крайности (тот его бил головой об угол сейфа, мочился на него, заставлял съедать протоколы с «неправильными» показаниями), он выбросился из окна третьего этажа. Но не умер, а только переломал руки и ноги. Началась гангрена. О какой-либо медицинской помощи не было и речи. И он скончался в той самой тюремной больнице, что и Галимджан Ибрагимов. А в деле его записали, что отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала «на перевоспитание».

Место захоронения Джамала Валиди также не установлено.

В конце 30-х годов люди исчезали внезапно и бесследно. Интересоваться их судьбой было бесполезно и небезопасно. В лучшем случае родным объявляли приговор – «10 лет без права переписки» (а его давным-давно расстреляли). В худшем – любопытствующих самих хватали, сажали и заставляли признаться в том, что они – агенты иностранных разведок.

128

Неизвестный Мазит Рафиков

В этом году исполнилось 90 лет со дня рождения видного татарского прозаика и переводчика Мазита Рафикова (1925–1986)

Мазит Магсумович Рафиков родился в деревне Кугарчино одноимённого района в Башкортостане. После окончания фельдшерско-акушерских курсов 18-летним юношей ушёл на фронт. Получил тяжёлые ранения, вернулся инвалидом. Некоторое время работал фельдшером, затем учился в вузах Уфы и Казани. В 1950 году, когда он был студентом последнего курса Казанского университета (отделение русской филологии), необоснованно репрессирован. Около 5 лет провёл в лагерях Иркутской области и на трассе Тайшет-Братск. Вернувшись в Казань, в 1955 году, завершил учёбу в КГУ, затем работал в редакциях газет и журналов.

Творческий путь начал со стихов на русском и татарском языках. Вскоре перешёл на прозу и успешно работал в жанре документальной повести, которая под его пером обрела особое лирическое дыхание («Школа нашей деревни»). Некоторые его лирические рассказы переводились на английский, непальский, языки народов Индии и др. М. Рафиков также плодотворно работал в области перевода с татарского на русский. Им, в частности, переведена проза Тукая, романы Ш. Камала, Н. Давли, М. Амира и других писателей.

* * *

1950 год... Я, тогда ещё «зелёный» первокурсник, сразу выделил Мазита среди студентов-«старичков». В солдатской гимнастёрке без погон, с медалью «За отвагу» (которая, между прочим, даётся только за личное мужество, проявленное в бою), с неизменным комсомольским значком на груди и авторучкой, торчавшей из нагрудного кармана, он привлекал внимание своим вдохновенным поэтическим видом... Копна густых тёмных волос картинно отброшена назад, как у Хади Такташа. Взгляд устремлён куда-то вдаль. А губы беспрерывно шевелятся – бормочут зарождающиеся стихи...

Потом он надолго исчез и появился в Казани только 5–6 лет спустя уже совсем другим – молчаливо-сдержанным, физически надломленным. Ходил, с трудом пе-

редвигая ноги, – сказывалась травма позвоночника, полученная ещё на фронте и усугублённая в лагере... Но не утратившим интереса ни к литературе, ни к жизни...

Однажды тёплым апрельским вечером мы с ним сидели в университетском скверике. И я спросил его о гулаговском прошлом.

– Знаешь что, Рафаэль, – ответил он. – Я не буду тебе ничего рассказывать. Я просто почитаю тебе стихи, написанные там. Написанные – не то слово. Сложенные в голове, без пера и бумаги. Сам понимаешь – за клочок исписанной бумаги полагался карцер, побои, а то и новый срок. Во время «шмонов» раздевали догола, перетряхивали всё вплоть до трусов. Меня обыскивали особенно тщательно – знали, что я «сочинитель». Иногда, чтобы позлить надзирателей, я клал в карман клочок чистой бумаги и писал там крупными буквами одно слово – «Дурак!» Конвоир разворачивал бумажку с видом «Ага, попался!», читал это слово и в сердцах давал мне оплеуху. А я только смеялся...

Весь вечер он читал мне свои стихи. Для меня это было как откровение. Тогда только ещё начиналась «хрущёвская оттепель». Можно было говорить об отдельных «перегибах», «нарушении социалистической законности». Но сам строй, система, руководящая и направляющая роль партии оставались неизблемыми догмами. А Рафиков копал глубоко, ибо на собственном опыте убедился, чего стоят все эти идеологические мифы:

Никогда б не поверил,
что у лучшего строя
столько врагов.
Но откуда ж, откуда
набралось под конвоем
столько спин и голов?

Сколько в этих словах было горькой иронии, боли!.. Запомнились и его первые строки, сложенные вскоре после ареста:

Оплевали мне душу мою
И в «кормушку» мне пайку суют,
Словно б сам заработать не мог...
То не хлеб – то мне в горло комок...

Он писал о своих товарищах по несчастью, вместе с которыми ковырял кайлом мёрзлую землю и валил деревья и которых терял чуть ли не на каждом километре. Что от них оставалось?

Лишь столб да номер на могиле этой,
И всюду сосны, тёмный бурелом...
Что я скажу вдове его и детям?
И что скажу грядущему о нём?

Позднее я много раз напоминал Мазиту об этих стихах: почему не отдаёшь в печать? И он каждый раз отвечал: ещё не пришло время... Так они и остались неопубликованными.

Предлагаю вниманию читателей некоторые неизвестные страницы творчества Мазита Рафикова.

Голуби

Мне снился сон, как будто бы играя
Выбрасывал я из груди моей
Под грозовое небо дружной стаей
Игривых, белоснежных голубей.
Они умчались в край земного рая,
Где век огни призывные горят...
Быть может, я до них не дошагаю,
Но голуби, я знаю, долетят.

* * *

На что мне крылья, если я не вправе
До солнца воспарить, пронзая тучи?
На что мне разум, если я не должен
Осмыслить сам судьбу моей страны?
На что язык, когда за слово правды
Я за решётки чёрные попал?
На что мне сердце, если я обязан
Скрывать любовь и ненависть мою?
На что мне страсть ума и сила плеч,
Когда разрушен мир моей мечты?
На что мне жизнь?..
А чтоб раскинуть крылья
И к солнцу воспарить, пронзая тучи!

* * *

Нет меня здесь!
Бредём ли понуро,
Трясёмся ль в езде, –
Конвой и не знает,
Что нет меня здесь.
Где бабы с ломами,
Сиротская голь, –
Там моё сердце,
Там моя боль.
Где поиски правды,
Где смелая мысль, –
Там моя вера,
Там моя жизнь.
Конвой и не знает,
Что нет меня здесь, –
Для них на бушлате
Лишь номер мой есть.

* * *

Умён не всяк, кто правит миром,
И глуп не всяк, кто мал и тих.

* * *

Ты приглядишь, пассажир,
проезжая по трассе таёжной:
На этой дороге когда-то
я песни мои растерял...

1953